

Юрий Эскин

**Рец. на: А.Ю. Кабанов, Я.Н. Рабинович. «Прямые» и «кривые»
Смутного времени в России. М.: Квадрига, 2022. 506 с.**

Yuriy Eskin

(Russian state archive of ancient acts, Moscow)

**Rec ad. op.: A.Yu. Kabanov, Ya.N. Rabinovich. «Pryamye» i «krivye»
Smutnogo vremeni v Rossii. Moscow, 2022**

DOI: 10.31857/S0869568722060218, EDN: MOESWX

Книга очерков отсылает своим названием к знаменитой работе И.Е. Забелина. Правда, последняя ставила целью полемику против мнения Н.И. Костомарова, пропагандировавшего взгляд на героев Смуты — К. Минина и кн. Д.М. Пожарского (тогда новаторский) как на посредственностей, вынесенных наверх волной социально-политических бурь. Забелину удалось доказать, что судьба избрала для победы над хаосом гражданской войны личности далеко не заурядные. Книга А.Ю. Кабанова и Я.Н. Рабиновича обращена к рассмотрению биографий менее заметных деятелей Смутного времени, фигурам «второго» и даже «третьего» и «четвёртого» ряда. В связи с 300-летием окончания Смуты и в предчувствии громов новой смуты между 1905 и 1917 гг. было открыто и издано множество источников, появились два капитальных труда С.Ф. Платонова, защитили диссертации П.Г. Любомиров и Г.А. Замятин¹. Далее, вплоть до 1980-х гг., историография событий начала XVII в. сводилась к рассмотрению проявлений классовой борьбы, в русле которой была сконструирована из деталей гражданской войны «Первая крестьянская война», но появились, однако, и достойные работы И.И. Смирнова и И.С. Шепелева² (последний исследователь — единственный со времён Костомарова и Платонова вышел за рамки «болот-

никовского» периода и исследовал события борьбы сторонников Шуйского и тушинцев). С 1980-х гг. в историографии возрастал интерес к первой в нашей истории гражданской войне, определение которой утвердилось благодаря работам Р.Г. Скрынникова и А.Л. Станиславского³.

На рубеже XX–XXI вв. усилился интерес к личности в истории, и исследователи стали чаще обращаться к периоду Смуты. Это заметно и по появившимся в последние 30 лет многочисленным биографиям, основанным на вновь выявленных источниках и новом прочтении известных. Как указал автор послесловия к рецензируемой книге А.А. Кузнецов, «личности в массовом порядке выходят на историческую сцену России примерно в 1608–1609 гг.». В состав важнейшего инструментария входит просопографический метод⁴.

Книга делится на разделы, в какой-то степени отвечающие градации И.Е. Забелина. Но, помимо «прямых» и «кривых», имеется и третий раздел — «Атаманы» (последние, по мысли авторов, видимо, не относятся к главным группировкам, а являются носителями общего хаоса гражданской войны). В первом разделе представлены биографии С.Е. Отрепьева, П.И. Секирина, М.И. Соловцова, С.Л. Татищева, кн. Ф.И. Мерина-Волконского, Д.С. Змеева, Ф.В. Левашова. Во втором — «кривые» кн. Ф.Т. Черново-

Оболенский, Ф.К. Плещеев, Г.Н. Орлов, дьяк Н.М. Шульгин. «Атаманы» представлены биографическими очерками о казачьих предводителях А.З. Просовецком, В. Хромом, М. Козлове и А. Коломне.

Первый очерк в разделе «Прямые» посвящён весьма своеобразному деятелю эпохи, которого я бы с такой лёгкостью не включил в указанную группу, — Никите Смирному Елизаьевичу Отрепьеву, родному дяде Лжедмитрия I. Все помнят только один эпизод его биографии, когда Борис Годунов послал его в Польшу, чтобы тот избличал в самозванстве своего племянника. Однако и дальнейшая его судьба полна приключений. Отрепьевы стали нежелательны при дворе самозванца. Лжедмитрий I не был жесток, чем и можно объяснить, что его прежние родственники как нежелательные свидетели остались живы, отправившись в Сибирь на службу. Видимо, Василий Шуйский ценил дипломатические способности Смирного, так как отправил его с ратификацией Выборгского мира в Швецию. Там посольство настигла весть о свержении Шуйского, после чего Отрепьев осел в занятом шведами Новгороде, присягнул Карлу-Филиппу и служил в местной администрации, получив максимальный для Новгородчины поместный оклад.

Когда появилась новая политическая сила, Второе ополчение, Отрепьев в составе посольства Новгородского государства вёл переговоры с Мининым и кн. Пожарским в Ярославле. В целом они оказались успешны, стороны согласились с пунктами об обязательном принятии претендентом на престол православия и приезде его в страну. Кн. Пожарский действительно был сторонником приглашения на престол иностранного, высокородного и не связанного с местными боярскими кланами принца, причём

знал, что протестанту присоединиться к православию легче, чем католику. К тому же королевич, почувствовав вкус самодержавной власти, в условиях раздиравшей дом Ваза взаимной вражды независимостью России никогда бы не поступился. Успешно выполнивший миссию и награждённый, Смирной стал вторым воеводой в Старой Руссе. Дождавшись венчания Михаила Фёдоровича на царство, он перешёл на московскую сторону. В Москве его приняли хорошо, тем более что ему удалось сохранить дары, переданные шведским королём ещё Василию Шуйскому, и вручить их царю Михаилу. Отрепьев стал воеводой в стратегически важном Можайске, где в 1614 г. и умер.

Авторы использовали весь опубликованный на сегодняшний день материал — вплоть до недавно ставших доступными трудов Г.А. Замятина, новейших работ А.А. Селина, а также неопубликованных документов шведских архивов. Думается, им следовало бы высказать мнение и по поводу гипотезы о родстве Отрепьевых и Шестовых: её доказанность проливала бы свет на связь костромских и галицких землевладельцев (помимо известных клиентских отношений Отрепьевых с Романовыми).

Один из очерков в разделе «Кривые» посвящён Григорию Никитичу Орлову, известному прежде всего своим изменническим поступком. Именно он провёл польско-литовские подкрепления в осаждённый Мининым и кн. Пожарским Кремль. В XIX в. был обнаружен ещё один не красящий его факт: Григорий Никитич пытался получить у «Семибоярщины» часть поместий «изменившего» кн. Пожарского. Герой очерка удостоился даже киновоплощения — в знаменитом фильме В. Пудовкина «Минин и Пожарский» показан непримиримый моральный конфликт, воплощённый

двумя великими советскими актёрами Б. Ливановым (патриот Пожарский) и Л. Сverdлиным (приспособленец и изменник Орлов).

Авторам очерка пришлось провести сложную работу, знакомую многим исследователям биографий русских людей допетровской эпохи, — удачно «разделить» сведения о двух полных тёзках — Орловых, действовавших почти синхронно. Далее продолжилась сложная и увлекательная работа по идентификации с их героем отрывочных и случайных известий разных источников. В результате была реконструирована карьера одного из интереснейших «кривых». Его «подвигу» — проводу 600 венгерских гайдуков в Кремль — посвящена целая глава «Нового летописца», автор которого явно стремился разделить всех деятелей Смуты на «хороших» и «плохих». Однако Григорий Никитич сравнительно благополучно вышел из перипетий Смуты. Авторы установили, что после прихода к власти Романовых его отправили воеводой в Пелым, место «ссылное», но для простого дворянина вполне почётное и сулившее материальные выгоды. В Сибири Орлов провёл около семи лет, успев за это время вернуть отобранное у него ранее суздальское поместье. Вернувшись в Москву, он служил при дворе в чине московского дворянина. Дважды, в 1626—1630 и в 1639—1641 гг., был воеводой в Саратове, где успешно отбивал набеги кочевников и обеспечивал проезды по Волге посольских караванов. В 1632—1635 гг. Григорий Никитич служил воеводой в богатом сибирском ярмарочном центре Мангазее. В промежутках между назначениями он исполнял обязанности при дворе, где неминуемо встречался с кн. Пожарским. Карьера Орлова стала явным подтверждением провозглашённого правительством царя Михаила принца «обнуления» прежних

прегрешений. Орлов пережил кн. Пожарского, в 1649 г. успел купить издание Соборного уложения. Авторам очерка удалось установить ещё один интереснейший факт. В.Н. Татищев, излагая историю Смуты, рассказал о приключении Орлова с проникновением в Кремль, приведя неизвестные подробности. Их можно отнести не на счёт фантазий «отца русской истории», в чём его часто уличали, а на семейные предания. Внучка Г.Н. Орлова была женой Ф.А. Татищева, и, таким образом, приходилась тёткой историку.

Очерк о трёх атаманах, по выражению авторов, «вытолкнутых на авансцену истории», повествует об Афанасии Коломне, Василии Хромом и Макаре Козлове. Они известны в основном по челобитным и верстаньям окладами. Люди, подобные им, являлись типичными порождениями гражданской войны, смешавшей социальные слои. Трудно сказать, на чьей стороне они были до 1612 г., когда твёрдо встали на сторону Ополчения; возможно, служили и Болотникову, и тушинцам. Но в боях под Москвой эти казаки проявили твёрдость и в дальнейшем честно воевали за царя.

Конечно, некоторые герои очерков были персонажами неоднозначными. Например, кн. Ф.И. Мерин-Волконский, причисленный к «прямым», сделал немало для разжигания Смуты. Он участвовал в свержении и насильственном пострижении Василия Шуйского, став прямым клятвopеступником и изменником государю. Участник Второго ополчения, после взятия Москвы он был заподозрен в содействии побегу пленного казначея «Семибоярщины» Ф. Андронова. Многие годы он «закрывал» свои прегрешения военной, приказной и дворцовой службой. Андрей Просовецкий, выходец, вероятно, из западнорусской православной шлях-

ты, долго служил в Тушине, активно подавлял восстания против Лжедмитрия II (в частности, разграбил и сжёг Калязинский монастырь), вёл кровопролитную борьбу с недавним союзником А. Лисовским, принявшим сторону своего короля. После гибели «тушинского вора», по словам авторов, Просовецкий «начал дрейфовать в сторону антипольских сил», став одним из активных соратников П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и кн. Д.Т. Трубецкого. Однако далее политическое чутьё ему изменило, и он, вероятно, поддержал Заруцкого, почему и попал в опалу при Михаиле Фёдоровиче. Стольник, пониженный до «приказного человека», Просовецкий переводился вместе с братом то на Соловки, то в Соль Вычегодскую, то в Томск, где после успешной экспедиции против киргизов был прощён и повышен до чина московского дворянина. Конечно, эти фигуры вызывают меньше уважения, чем обладатель чётких моральных ориентиров нижегородец Мисюр Соловцов.

Издание дополняет интересная новинка — хронологический перечень действий и упоминаний всех героев очерков до даты смерти последнего из них, а также именной и библиографический указатели. Следует, однако, заметить, что перечень источников в приложении к книге выглядит слишком пространным, и если это может быть полезно в перечислении неопубликованных документов (их 34 из шведского архива и семь из РГАДА), то список публикаций с подробными описательными статьями документов из известных сборников, занимающий 40 страниц, выглядит излишним.

В целом авторы проделали большую работу, добросовестно используя все доступные им источники. Достоинством книги является то, что в ней удалось проследить все «последние» биографии героев, на ко-

торые события гражданской войны оказали решающее влияние. На ком-то, как на Просовецком, они отразились длительной опалой; кто-то, как С.Е. Отрепьев и Г.Н. Орлов, сумели благополучно реабилитироваться; Ф.К. Плещеев, несмотря на свои прежние «перелёты», сумел вернуться, по меткому замечанию авторов, «в комфортную для себя среду службы» и успешно продолжил карьеру.

Книга завершается очерком А.А. Кузнецова, известного биографа К. Минина, «Личность Смуты». Мне особенно интересно было читать этот текст, поскольку сам я некогда размышлял над этим феноменом начала XVII в. по горячим следам событий 1993 г.⁵ С тех пор прошло много лет, и отрадно знать, что «выход на новый уровень постижения Смуты в истории России через изучение устремлений, дел и поступков конкретных людей», по точному определению Кузнецова, состоялся.

Примечания

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. 1611–1613 гг. Пг., 1917; Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913.

² Смирнов И.И. Восстание Болотникова (1606–1607). М., 1951; Шепелев И.С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. В 2 т. Волгоград, 2012.

³ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Л., 1988; Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990; Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

⁴ Седов П.В. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993; Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2004; Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005; Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007; Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009;

Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009; *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Козьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии М., 2017; *Морохин А.В.* Козьма Минин. М., 2021; *Петрова Н.Г.* Скопин-Шуйский. М., 2010; *Кабанов А.Ю., Семенов А.М.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010; *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014; *Рабинович Я.Н.* Братья Семён и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015; *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* Смутное время начала XVII века: судьбы участников. Иваново, 2015; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. СПб., 2018.

⁵ *Эскин Ю.М.* Человек Смуты // Знание-сила. 1994. № 2. С. 29–45.